

Сцена из балета «Анюта».

Невыдуманные истории

Однажды у старшеклассницы Максимовой с поведением в школе стало «совсем плохо», и на педсовете решили поставить ей в четверти двойку за поведение. Тогда слово взяла «самая главная учительница» — преподаватель по классике. «Ну как же, — сказала она, страшно волнуясь, — ведь Катя же танцует. Она прекрасно танцует. Разве можно? Нет, никак нельзя. Давайте все-таки поставим ей... двойку с плюсом».

Однажды — кажется, после Всемирного молодежного фестиваля — по Москве среди прочих небезымянных родилась нелепица: Ван Клиберн и Екатерина Максимова решили пожениться. Как, почему она возникла, не знал никто. Надо сказать, что начинающий талантливый пианист и начинающая талантливая балерина тогда даже знакомы не были, но о их свадьбе все говорили как о деле решенном. Успокоились, лишь когда Клиберн уехал, не женившись. Но стоило ему приехать во второй раз, с матерью, слухи возобновились: «Вот и маму привез — невесту показать».

Однажды, в 1961 году, после долгих лет дружбы Екатерина Сергеевна Максимова и Владимир Викторович Васильев решили пожениться. Они подали заявление в загс и стали ждать положенные для испытания прочности чувств месяцы. И тут Максимова и Васильева пригласили в Париж... Они расписались и тут же побежали на репетицию. Вечером был спектакль, а на следующее утро они улетели во Францию. Так что свадьбы не было, зато все парижские газеты писали, что молодые звезды балета Максимова и Васильев в свадебное путешествие приехали к ним, во Францию.

Однажды Васильев пришел домой очень голодный, а так как дома никого не было, то на кухню он отправился сам. Васильев — человек творческий, он запросто соединяет несоединимое, смешивает несмешиваемое, и, по отзывам домашних, иногда из этого получаются просто потрясающие вещи. В тот вечер Васильеву захотелось горяченького. Ничтоже сумняшеся он вскрыл банку селедок в собственном соку и выложил их на сковородку... Угадайте, удалось ли ему поужинать?

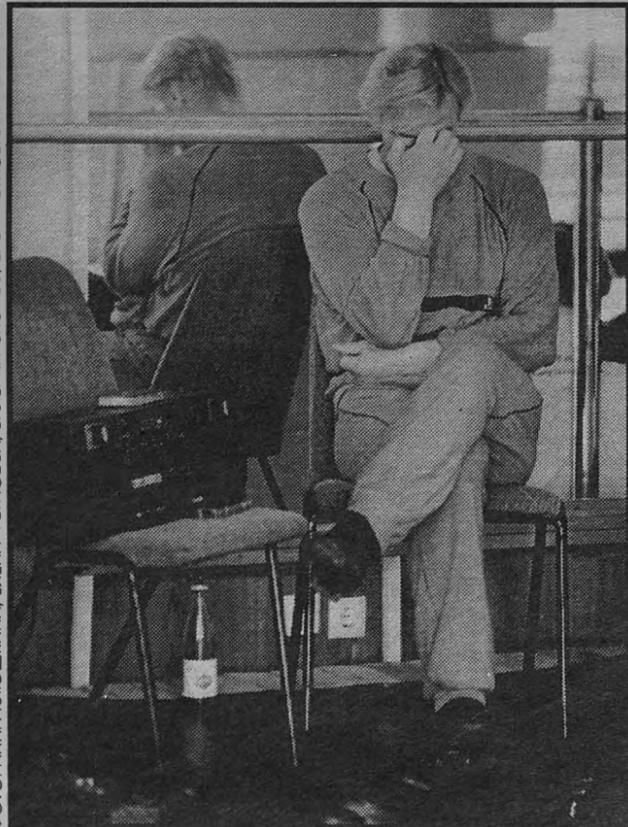

ФОТО: АННА КЛОШКИНА, ЕЛЕНА ФЕТИСОВА, ВАЛЕРИЙ СКОКОВ, ЕЛЕНА СУХОВА.

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ:

Я ПРИШЕЛ
ДАТЬ ВАМ...

Наш разговор с Екатериной Максимовой был до назначения Владимира Васильева художественным руководителем — директором Большого театра. Да, какие-то слухи уже обретали очертания фактов, уже Юрий Николаевич подал в отставку, но еще ничего не было решено. И Владимир Васильев, не имея возможности ничего сказать взявшимся звонить журналистам, друзьям, просто сбежал, скрылся. «Он уехал из Москвы, — отвечала всем Екатерина Сергеевна, — и когда вернется, я не знаю»... Он вернулся, когда президент принял окончательное решение по Государственному Большому театру, единственному в своем роде.

ЧТО?

Зал был полон: труппа ГАБТ, пресса России и мира, критики, друзья заняли и партер, и амфитеатр, и три яруса. Все, кто мог, пришли послушать Васильева — нового художественного руководителя — директора Большого. Что скажет? Какую заявку сделает в своей тронной речи?

...Меня, сказал Васильев, никогда не покидает чувство удивления от того места, в котором мы с вами находимся. И мне бы хотелось, чтобы даже сегодня, собравшись вместе, мы еще раз вдохнули удивительную атмосферу этой красоты, этой неповторимости.

На сцене мы можем лгать — ярко, красочно, эмоционально, вызывая слезы умиления, но мы не можем лгать вне ее. Тогда-то и начинаются сплетни в кулуарах, раздоры. Для нас самым главным должно быть творчество. Театр — наше божество.

Я хочу, чтобы вы поняли разницу между творцом и руководителем, подчеркнул Васильев. Творец всегда заботится о личном — и правильно делает. Руководитель же должен создать условия для творцов. И чем разнообразнее будет репертуар, тем лучше для руководителя.

Очень добрым я не буду. Спокойной жизни не обещаю. Каждый наш спектакль должен заставлять зрителя вновь прийти сюда и смотреть-смотреть — до бесконечности. Аплодисменты.

Кое-что Владимир Васильев пояснил потом только журналистам.

У некоторых, как я понял, сложилось впечатление, что сам я ставить не буду. Это не так. У меня очень много планов, но я человек не жадный и очень хочу, чтобы этими идеями воспользовались другие. Я

не смогу разрываться, более того, в том кодексе законов, который мы хотим составить для Большого, черным по белому должно быть записано: художественный руководитель, когда занимается собственным творчеством, освобождается от административных обязанностей.

Театр, мне кажется, должен идти по нескольким направлениям, сохраняя академический стиль, ни в коем мере не теряя традиций.

Еще один разговор состоялся после того, как заявление об уходе подала Надежда Павлова.

— Владимир Викторович, как вы относитесь к уходу из Большого главного дирижера Александра Лазарева, главного художника Валерия Левентала, главного балетмейстера Юрия Григоровича?

— Они мне подарок делают, что сами уходят.

— То есть?

— Института главных в Большом теперь не будет.

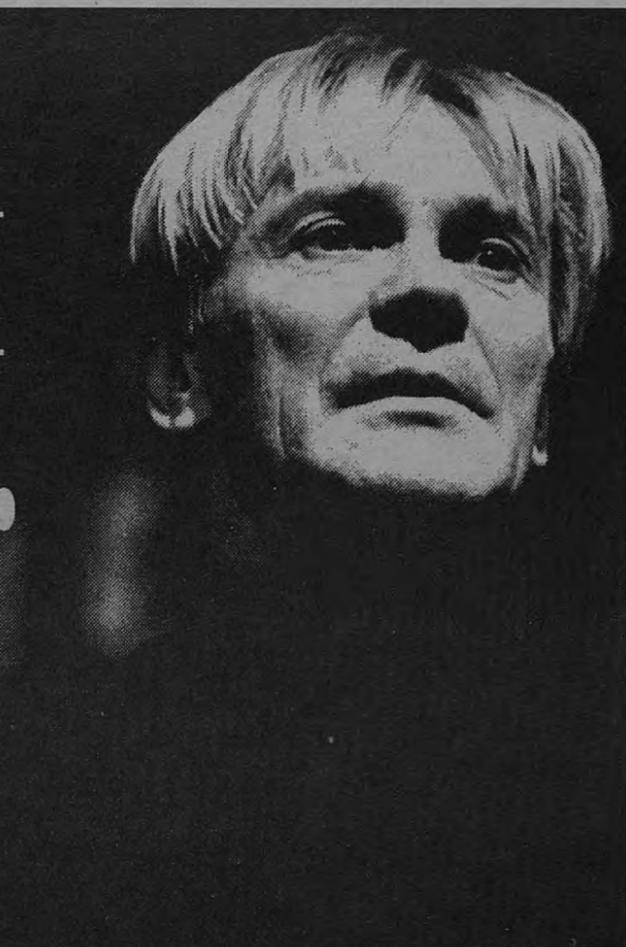
— А Павлова?

— Что вы меня мучаете? При чем здесь я?! Спросите Павлову. Я говорил с ней, сказала: «Подумайте». Она подумала и написала заявление. Я подписал. Тем более что это не тот случай, когда балерина только начинала свою карьеру, а мы губим талант. Надежда Павлова, по-моему, уже имеет право на пенсию... Наверное, еще кто-то уйдет.

— Вы болезненно это переживаете?

— Болезненно не переживаю. Зная себя — я же был артистом, — не переживаю, потому что артист никогда не будет удовлетворен тем, что ему преподносит одно место работы, если это талантливый артист, а не посредственность.

М. Д.

Вячеслав Гордеев: «Он сразу мне понравился»

— Я очень рад, что Володя стал директором Большого, — говорит руководитель «Русского балета». — За 30 лет работы Григоровича в театре очень многое, что должно было произойти, не произошло. Он талантливый человек, много сделал для театра, создал свой уникальный репертуар, но 30 лет правления одного человека — это чересчур. Сейчас в театре намечаются некоторые изменения, не будет института первых лиц, который работал бесспорно, появятся возможности для других попробовать свои силы.

На сцене я впервые увидел Васильева, когда мне было 12 лет, когда я пришел в училище. И он сразу мне понравился. Тем более что имя его было овеяно различными расказами о том, например, что у него больные легкие и т.д. Однажды после спектакля «Жизель» я пошел за кулисы и сказал ему: «Это был балет «Альберт», а не «Жизель» — настолько мне понравилась его роль. Он, наверное, посмеялся надо мной, но видно было, что это ему польстило — мальчишка, интересуется... С тех пор у нас сложились добрые отношения.

Один раз в 1973 году мне нужно было выступать в «Дон Кихоте» на конкурсе, у меня вдруг не нашлось черных трико. (Это был жуткий дефицит, я готов был заплатить любые деньги...) Отчаявшись, пошел

просить у Васильева — наглый был. И он помог — чуть ли не с себя их снял.

Когда я пришел в театр из училища, я уже знал практически весь репертуар, который можно было знать. А через несколько месяцев ко мне подошла Катя Максимова: «Ты хочешь сняться в па-де-де из «Жизели» на телевидении?» Я опешил: «Кать, у меня даже костюма нет». Но она стояла на своем: «Да что там! Давай попробуем». Я по молодости согласился, потерять мне было нечего, снялся без особой подготовки, спустя годы смотрю и горжусь собой — довольно прилично станцевал. Потом мы стали танцевать с ней все подряд, это уже позже появились Семеника, Павлова...

Однажды Максимова с группой солистов ГАБТ приехала на гастроли на Филиппины. Первый концерт, в зале знать, г-жа Маркос... Кончается адажио — полная тишина. Артисты в шоке. Ладно, поехали дальше. Па-де-де — тишина. «Четыре лебедя»? Это бесспорно. И — тишина. Так весь концерт. Только в самом конце — настоящие аплодисменты и дождь из лепестков роз с колосников.

...Затем прием, экзотические столы, неформальное общение. Руководитель поездки решил наконец поинтересоваться: «Уважаемая госпожа Маркос, как вам понравился концерт?» — «О-о! Это великолепно. Это такое счастье...» — и еще много разных слов. — «А публике, как вы думаете, понравилось?» — «Публика просто в восторге!» — «Отчего же во время концерта никто не аплодировал?!» — «Но как можно? — Изумление президентской жены было еще большим. — Это же такая красота! Как можно было такое очарование нарушать, разрушать? Нет-нет...»

Однажды Васильев уговорил Максимова пойти с ним на футбол. И на трибуне был счастлив от того, что рядом с ним жена. А Максимова сидела-сидела, смотрела-смотрела, и ей стало скучно. Вдруг взглянула на небо. «Ой! Ты посмотри, какая луна!» Васильев взглянул. «А-а-а!» — взревел стадион. Этот гол в матче был единственным. Больше на футбол он жену не брал.

95